

К 75-летию Великой Победы

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-32-43

С.В. ПереваловаВолгоградский государственный социально-педагогический университет,
400005 г. Волгоград, Российская Федерация**Повесть В.П. Некрасова
«В окопах Сталинграда»
и героико-патриотические традиции
русской классики**

Аннотация. Статья посвящена воздействию русских героико-патриотических традиций на персонажей повести «В окопах Сталинграда» (первая публикация в 1946 г.), созданной В.П. Некрасовым, участником Сталинградской битвы 1942–1943 гг. Сегодня творческое наследие автора, в 1974 г. вынужденно эмигрировавшего вследствие идеологических разногласий с властными структурами тех лет, вернулось к читателям нашей страны, а повесть «В окопах Сталинграда» входит в программы школьного и вузовского обучения литературе. Это имеет важное значение в деле патриотического воспитания подрастающего поколения, поскольку образ молодого командира Красной Армии, автора-повествователя в повести В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда», наглядно раскрывает процесс духовного роста защитника Отечества. Историко-функциональный метод изучения данного произведения позволяет выявить особенности восприятия персонажами, бойцами Сталинградского фронта, произведений русской классической литературы, в первую очередь – тех, что созданы талантливыми художниками и боевыми русскими офицерами – М.Ю. Лермонтовым и Л.Н. Толстым, на себе испытавшими тяжесть фронтовой судьбы и верность солдатскому долгу. Системный метод позволяет изучать в единстве все элементы повести: название, систему персонажей, хронологические параметры и авторскую позицию, приводя к выводу: в год юбилея победы нашего народа в Великой Отечественной войне рост читательского внимания к данному произведению связан с тем, что характеры действующих лиц в нем рассматриваются в контексте многовековой национальной культуры, которая во время битвы за Сталинград для красноармейцев была важнее идеологических лозунгов и призывов.

Ключевые слова: В.П. Некрасов, повесть «В окопах Сталинграда», детали фронтового быта, патриотические традиции отечественной литературы, автор-повествователь, русская культура, Сталинградская битва, любовь к Родине

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Первалова С.В. Повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и героико-патриотические традиции русской классики // Литература в школе. 2020. № 3. С. 32–43. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-32-43

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-32-43

S.V. Perevalova

Volgogradskiy State Social-pedagogical University,
Volgograd, 400005, Russian Federation

The long short story “In the trenches of Stalingrad” by V.P. Nekrasov and heroic and patriotic traditions of the Russian classics

Abstract. The article is devoted to the influence of the Russian heroic traditions on characters of the long short story “In the trenches of Stalingrad” (the original edition in 1946) by V.P. Nekrasov, who took part in the Battle of Stalingrad in 1942–1943 years. Today the creative legacy of the writer, who had to immigrate in 1974 due to ideological disagreements with authorities, has returned to readers of our country and the story under analyses is included in the school and universities Curricular. It is of big value in patriotic education of the young, because the artistic image of the young commander of the Red Army, the author-narrator in the story “In the trenches of Stalingrad”, clearly discloses the process of the spiritual growth of the defender of motherland. The historical and functional method of research allows to show features of perception by characters, soldiers of the Stalingrad front, of works of the Russian classical literature, primarily those, which were created by talented authors and combat officers – M.Yu. Lermontov and L.N. Tolstoy, who experienced the severity of the front life and the soldier’s duty. The system method of research allows to study all the elements of the work: the title, the system of characters, the author’s position – in unity, leading to the conclusion: in the year of the Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War the growing readers’ attention to this work is explained by the fact that the characters’ dispositions are viewed in the context of centuries-old Russian national culture, which during the Battle of Stalingrad was more important for the Red Army soldiers than ideological calls and slogans.

Key words: V.P. Nekrasov, the long short story “In the trenches of Stalingrad”, particularities of frontline life, patriotic traditions of Russian literature, the author-narrator, the Russian culture, the Battle of Stalingrad, love for motherland

CITATION: Perevalova S.V. The long short story “In the trenches of Stalingrad” by V.P. Nekrasov and heroic and patriotic traditions of the Russian classics. *Literature at School*. 2020. No. 3. Pp. 32–43. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-32-43

Сегодня повесть «В окопах Сталинграда» В.П. Некрасова, офицера-«окопника», защищавшего наш город от фашистского нашествия, читателям всех поколений хорошо знакома: имя писателя и его творческое наследие занимают достойное место в истории русской литературы. Гражданская позиция художника в 1970-е гг. вошла в противоречие с официально предусмотренным, то есть «облегченным», изображением событий Великой Отечественной войны. Авторское, первоначальное, название повести – «Сталинград» – тоже оказалось «не ко времени»: масштаб изображаемого представлялся «суженным» до карты-двухверстки, с которой, как прежде сам художник, воюет его главный герой – батальонный инженер Керженцев. О том, как профессионален был сам командир саперного батальона В.П. Некрасов, можно судить по информации, размещенной в наши дни на сайте Министерства обороны «Подвиг народа». Здесь есть Приказ по войскам 62-й армии № 97/н от 19 февраля 1943 г. о награждении будущего писателя медалью «За отвагу»: «Полковой инженер старший лейтенант Некрасов в обороне Сталинграда с августа 1942 г. <...> Под его руководством проводилось минирование полей и устройство инженерных сооружений в условиях предельного сближения передне-

го края с противником. <...> Товарищ Некрасов в совершенстве знает свое дело, являясь смелым, мужественным воином. <...> Делая дзоты и блиндажи на Мамаевом кургане, он превратил их в живучие огневые точки» [Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: http://podvignaroda.ru/?#id=150132519&tab=nav_DetailManAward].

Архитектор по довоенному образованию, В.П. Некрасов главному герою в «Окопах» доверяет воспоминания о «буднях войны» и их особенностях: «В блиндаже тесно и сыро, пахнет землей. На столе лежат схемы нашей обороны – моя работа. Все утро их делал, торопился с отправкой в штадив. Срок был к двадцати ноль-ноль» [16, с. 20]. Главное, конечно, ежедневное «минирование, разминирование, проходы, обеспечение действий пехоты» [Там же, с. 301]. И в самом Сталинграде, с грустной иронией добавляет Керженцев, «работа несложная»: «Промышленные объекты города на всякий случай подготавливаются к взрыву. Надо составить схему распределения зарядов, подсчитать необходимое количество их, определить способ взрыва...» [Там же, с. 91].

Должно быть, детали фронтального быта тоже раздражали «охранительную» критику советских лет. В произведении Некрасова мало

«победоносного», основной акцент сделан на том, как «был... долго до тоски» (А.Т. Твардовский) путь к победе на Волге тех, для кого война – «не фейерверк, а просто трудная работа» (М. Кульчицкий). Повесть получила название – «В окопах Сталинграда», но она «даже выиграла от этого “понижения”»: открыто заявлялась приверженность автора тому, что недоброжелатели вскоре окрестили “окопной” правдой, но что на самом деле составляло содержание жизни миллионов солдат и офицеров» [26]. А сам Некрасов в литературных «сражениях», как когда-то на Мамаевом кургане, упорно выстраивал и держал «оборону» для всех последовавших за его легендарной повестью «В окопах Сталинграда» (1946) произведений, созданных «мальчиками и девушками – лейтенантами России» (С. Орлов) и «рядовыми тружениками» переднего края, призванными в армию едва ли не со школьной парты. Произведения «лейтенантской» прозы «окопников» рождались не только под влиянием собственного фронтового опыта (лейтенант – это «первый командир солдата, идущий не рядом, а впереди него, и первым отдающий жизнь по собственной же команде» [14]): неотступным и активным было воздействие патриотических традиций отечественной классики, в первую очередь связанных с именами русских боевых офицеров М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого.

Отзвуки этих традиций отчетливо слышны и на страницах повести «В окопах Сталинграда». Юрий Керженцев, получивший тяжелое ранение на Мамаевом кургане, рисует образ своего соседа по госпитальной палате – капитана Никодима Петровича. Немолодой человек, достойно

пересиливающий свое личное горе (у него «все немцы уничтожили. И дом, и жену, и двух детей. Один сын только остался – танкист, майор...» [16, с. 410]), привлекает раненых тем, что «самым подробнейшим образом может рассказать ход Бородинского сражения, с указанием всех действующих частей и их командиров». Похоже, все это знает и Керженцев, о чем свидетельствует хотя бы как-то брошенное им вскользь: «Это... у Тарле я вычитал» [Там же, с. 210]. Скорее всего, имеется в виду монографическое исследование Е.В. Тарле «Наполеон» (1939). Показательно, что из всей обширной историографии, связанной с наполеоновскими войнами, герой Некрасова называет именно академика Тарле «с его великой любовью к Лермонтову», которого он охотно цитировал в своих научных трудах и на лекциях. Ученый бережно хранил несколько лермонтовских акварелей, а «среди настольных книг Тарле были переплетенные по специальному заказу тома сочинений поэта» [5], помогавшего ему проследить извилистый путь самоуверенного захватчика от молодости и первых блистательных побед к Бородинскому сражению, а от него – к закату и острову Святой Елены.

С началом Великой Отечественной войны внимание современников к наполеоновским войнам значительно усиливается, ведь и в 1812-м не только французы отправились под знамена завоевателя-неудачника, мечтавшего покорить Россию. Наполеон «бросил в беспощадный омут войны и поляков, и бельгийцев, и голландцев, и саксонцев» [6, с. 18], поэтому справедливо мнение: «Наполеоновские войны были прообразом мировых войн XX века» [10]. А России

в этом всегда выпадала самая сложная миссия – «быть освободительницей народов» [25]. Это наши войска «с боями занимали вражеские столицы, а потом меняли политическую карту Европы, как при Александре Первом» [3]. В повести В.П. Некрасова важное значение приобретает и «региональный компонент» исторической памяти народа: среди тех, кто своей доблестью снискал заслуженное уважение на века, значатся и воинские формирования «тихого Дона». Подразделения донцев под командованием атамана Платова в 1812-м громили врага на Бородинском поле, отстаивали честь русского воинства в сражениях Первой мировой войны, а «донские казачьи части в годы Великой Отечественной составляли треть от всей казачьей конницы» [4, с. 181]. Должно быть, это вспоминается многим персонажам повести Некрасова, под натиском фашистов отступающим раскаленным летом 1942 г. «туда... за Дон» [16, с. 66].

Недаром именно во время ожесточенных боев в излучине Дона, когда наши части вынуждены оставлять Серафимович, Клетскую, Котлубань и другие места, традиционно заселяемые казаками, на страницах повести Некрасова появляется комбат Ширяев. Развернутая портретная характеристика «золотчубого Ширяева», всегда собранного, подтянутого командира, на которого приятно смотреть: «...говорит спокойно, не торопясь. Плечи развернуты. Руки по швам, слегка сжаты в кулаки», – дополняется значимым авторским замечанием: «В полку у нас его называют Кузьма Крючков» [Там же, с. 17]. На этом сравнении боевого командира Красной Армии стоит остановиться подробнее, поскольку в период

советской истории имя этого легендарного человека было вычеркнуто из числа «Ста великих казаков» (А.В. Шишов) в связи с тем, что в Гражданскую войну хорунжий Кузьма Фирсович Крючков воевал и погиб на стороне белых. Но Виктор Некрасов свидетельствует: «поверх барьеров» братоубийственной войны в народной памяти жил образ двадцатичетырехлетнего легендарного казака, первого Георгиевского кавалера Первой мировой войны, вместе со своими малочисленным дозором храбро вступившего в бой с превосходившими силами «германцев» и победившего в этом бою. В 1914 г. «о громком подвиге донского казака и трех его боевых товарищей узнала из газетных и журнальных страниц вся действующая русская армия, вся Россия» [27, с. 207]. Заслуженная слава, принесшая всенародную известность служащему 3-го Донского казачьего полка, «подсвечивает» в «Окопах Сталинграда» образ комбата Ширяева, в канун генерального наступления вступившего в должность начштаба и умело командовавшего своим соединением так, чтобы фрицам «дрозда давать» и своих «людей сберечь», чтобы они могли воевать [16, с. 207] так, как всегда воюет армия России, вызывая веру в силу оружия и воинской доблести.

В повести В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» это осознает и мирное население (Георгий Акимович, инженер-электрик ТЭЦ, не дает забыть ни себе, ни окружающим: «Перед Наполеоном мы тоже отступали до самой Москвы» [Там же, с. 121]), и военные. Юрий Керженцев нередко сопоставляет современные ему события с «грозой двенадцатого года». В ходе летнего мучительного отступления

наших войск под натиском фашистов, оказавшихся в «самой глубине России» и «прущих лавиной на Дон» (они «к сентябрю хотели все кончить»), молодой командир вспоминает о ранней осени Отечественной войны, о Бородинском сражении, убеждая себя и своих бойцов в том, что «отступление – еще не поражение» [16, с. 68]. Выстрадавший опыт доблестного воинства Кутузова неизменно поддерживает боевой дух командира, у которого только «на воротнике два кубика да на боку пистолет», и его измученных бойцов, идущих на восток, через голую степь к Сталинграду, к боям за город.

Тяжелое ранение и госпиталь ненадолго прерывают фронтową дорогу Керженцева, который в госпитальной палате присоединяется к раненым, слушающим Никодима Петровича. А тот готов прочитать «целую лекцию об орденах», о том, что «полный георгиевский кавалер – четыре креста, четыре медали», и о том, что единственный русский из «кавалеров английского ордена Бани был Барклай де Толли» [Там же, с. 408]. Может, с гордостью отметив про себя, что его медаль «За отвагу» среди бойцов «считалась вроде солдатского Георгия» [17, с. 498] (Некрасов напишет об этом в рассказе «Как я стал шевалье», созданном позднее, в эмигрантский период творчества), главный герой повести «В окопах Сталинграда» обратит свой взгляд в далекое прошлое русских ратников. В госпитальной палате раненые бойцы еще не могли знать, а автору повести, созданной в 1946 г., уже было известно, что по окончании Второй мировой войны рядом с именем генерала-фельдмаршала князя Барклая де Толли, в 1814 г. вошедшего с рус-

скими войсками в Париж и получившего британский рыцарский орден Бани, встали имена героев Сталинградской битвы – Г.К. Жукова [8] и К.К. Рокоссовского [21].

По-видимому, писателю-«сталинградцу» важно было задержать внимание читателей на имени Барклая де Толли и потому, что в нем угадывается переключка дорогих сердцу каждого имен – Пушкина и Лермонтова. В X главе «Евгения Онегина» встречается:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?
[20, с. 176]

Имя Барклая де Толли не могло не отложиться в художественной памяти В.П. Некрасова: голос Пушкина сливается с голосами героев лермонтовского стихотворения «Бородино», которые тоже «долго молча отступали», но «клятву верности сдержали» [13, с. 267]. Поскольку в общественном сознании с давних пор «увязывается победа в войне 1812 года над Наполеоном с русской военно-православной традицией и архитектурными памятниками» [23, с. 7], а Некрасов как профессиональный архитектор (в 1936 г. он закончил архитектурный факультет Киевского строительного института) постоянно обращает внимание на расположение улиц, строительные сооружения, скульптурные ансамбли (в довоенном Киеве отмечает «надстроенное здание банка с не то готическими, не то романскими башенками по углам», «стройный силуэт Андреевской церкви», в Сталинграде проходит «мимо памятника Хользунову, Герою Советского Союза» и, рассматривая «барельефы

на пьедестале», неожиданно для себя проговорит: «Парфенон... Дорический, ионический, коринфский стили... Нет, не забыл еще» [16, с. 210]), можно предположить, что он «не забыл еще» и о Бородинском музее. Тем более, что в повести есть такой эпизод: «Начинаем обживать в своей щели. Проводим электричество, готовим еду на плитке... Седых привлекает откуда-то... “Ниву” за двенадцатый год» [Там же, с. 117]. Популярный в дореволюционной России иллюстрированный журнал «Нива» в 1912 г. публиковал массу материалов, связанных со столетним юбилеем Бородинской битвы, а номера 35 и 37 в рубрике «Памятники Отечественной войне» размещали фотографии самих памятников. Среди них – воздвигнутый в 1912 г. на Бородинском поле памятник Лейб-гвардии егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа, который в дни битвы входил в состав инженерных войск, обеспечивающих стойкость русских. Среди особенно отличившихся – Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866), родственник великого поэта, «во время войны 1812 воевавший в армии Барклая де Толли» [2, с. 36]. М.Н. Лермонтов, герой Бородинского и Смоленского сражений, позднее снискавший славу в Крымской войне, ушел в отставку адмиралом. «Мичман Лермонтов» – единственное из имен офицеров Гвардейского экипажа, которое увековечено на этом памятнике. Над входом в часовню – бронзовый орел с распростертыми крыльями, символ победы. Напротив – белые мраморные доски со строками из лермонтовского стихотворения «Бородино»: «Не будь на то Господня воля – не отдали б Москвы» и «Умереть мы обеща-

ли, и клятву верности сдержали мы в Бородинский бой».

Клятву «до конца стоять» сдержали в дни обороны волжской твердыни и сталинградцы. Трудно сказать, знал ли В.П. Некрасов, в военные годы с тревогой наблюдая за воздушными боями в сталинградском небе, что фамилия Лермонтов навсегда вошла в списки тех, кто вместе с ним воевал за Сталинград, но он сам и персонажи его произведений впитали в себя героику доблестных предков, в 1812-м беззаветно бившихся за Отечество. На волжских берегах продолжил традиции образцового служения Родине подполковник Петр Николаевич Лермонтов, праправнук великого поэта. В 1941-м он прошел через кровопролитные бои на Бородинском поле, потом солдатская судьба привела его на Сталинградский фронт. Здесь в тяжелейших условиях выполнения боевых задач П.Н. Лермонтов был начальником штаба 127-го истребительного полка 282-й авиадивизии. Маршал А.И. Ерёменко, командующий Сталинградским фронтом, вспоминал, что с августа до ноября 1942-го «ни на один день не прекращалась интенсивная бомбежка Сталинграда... налеты противника производились группами от 15 до 280 самолетов одновременно» [7, с. 268]. Мемуары командующего Сталинградским фронтом подтверждают рассказанное Некрасовым в повести «В окопах Сталинграда» о том, как ранним утром над траншеями «цепочкой плывут в золотистом осеннем небе» фашистские бомбардировщики, каждый «тащит у себя под брюхом от одиннадцати до восемнадцати» бомб, но «сбросят они их не все сразу, сделают еще два или три захода, психологически распределяя дозы»,

и при «последнем заходе особенно устрашающе загудят сирены, а бомбы сбросит только один, а может, даже и не сбросит, а только кулаком помажет» [16, с. 164]. Переломить такую сложную ситуацию в сталинградском небе, добиться нашего превосходства в воздухе смогли сильные духом советские летчики, в том числе и те, кто служил в «поэтическом» полку П.Н. Лермонтова. Позднее сам Пётр Николаевич вспоминал, как в минуты затишья читал он красноармейцам стихотворение «Бородино». Стоит отметить, что летчики, служившие под его командованием, боевыми позывными брали имена лермонтовских героев: «Мцыри», «Демон» [8].

Не исключено, что под Сталинградом ассоциативная память военного инженера и будущего писателя В.П. Некрасова подсказывала ему то, как в 1812-м действовали саперные войска русских, именовавшиеся «пионерными»: «они в невероятно короткие сроки провели инженерную подготовку Бородинского сражения. Сохранились термины: флешы, люнет, редут, – только вот “пионерные войска” теперь не говорят» [6, с. 17], – отмечает Е.А. Долматовский, талантливый поэт-фронтовик, военным корреспондентом прошедший через Сталинградский фронт к самому рейхстагу. Эти уходящие в историю названия вспоминаются и Юрию Керженцеву в «Окопах Сталинграда»: «четвертый бастион... редуты, люнеты, апроши» [16, с. 192].

«Четвертый бастион», конечно, возвращает читательское внимание к Крымской войне, непосредственным участником которой был молодой подпоручик артиллерии Л.Н. Толстой, отстаивавший этот легендарный бастион в дни осады Севастополя.

Ни в мирное время, ни на войне Виктор Некрасов не забывал о личности и творческой судьбе Толстого. В письмах с фронта он рассказывал домашним: «Читаю “Войну и мир” – перечитывал в 39 году... сейчас читаю с не меньшим, если не с большим удовольствием» [19, с. 19]. Известно также, что «Севастопольские рассказы» Толстого были особенно любимы Некрасовым в юности [18]. Вот и главному герою его повести «В окопах Сталинграда» на Мамаевом кургане вспоминаются защитники Малахова кургана и Крымская война. «По сути, это была мировая война. Но если в официально именуемых первой и второй мировых войнах враждующие стороны делились на два лагеря, причем силы сторон были как-то уравновешены, то здесь почти весь мир объединился против одной России» [22, с. 152].

В те дни осады героического Севастополя была суровым военно-техническим экзаменом для русской армии. «Инженерные проблемы заслонили все. Два великих адмирала – Корнилов и Нахимов – остаются в народной памяти прежде всего как “фортификаторы”, они гибнут не в атаке, а на “позициях”» [1, с. 167], где был поставлен «предел» очередной широкомасштабной агрессии против России. Опыт инженерно-полевого искусства русской армии, бившейся в Крымскую войну за осажденный Севастополь, был учтен оборонявшимися Сталинград. В повести Некрасова это подтверждает образ дивизионного инженера капитана Устинова, у которого «на столе в землянке груды книг», в том числе – «Фортификации» адмирала Ф.Ф. Ушакова, прославленного русского адмирала и строителя Севастополя. Устинов напоминает

подчиненным: «Восемьдесят семь лет назад потому и стоял Севастополь, что собратья наши – саперы – и тот же Тотлебен сумели создать почти неприступный пояс инженерных сооружений и препятствий» [16, с. 270]. Действительно, «в ноябре 1856 года французы, рвавшие к 4-му бастиону, были остановлены в 130 метрах от укрепления заградительным огнем русской артиллерии... За короткий срок русские инженеры и саперы во главе с Тотлебенем», возглавлявшим инженерную службу Севастопольского гарнизона русских войск, «разработали план ведения контрминированных работ перед 4-м бастионом» [15, с. 74]. Спустя десятилетия сапер Керженцев с законной гордостью подведет победные итоги своей фронтовой работы: задержала фашистов – «подумать только – полоска в двести метров шириной! Каких-нибудь несчастных двести метров! Всю Белоруссию пройти, Украину, Донбасс, калмыцкие степи и не дойти двести метров...» [16, с. 356]. Для победы на Волге, по словам командующего Сталинградским фронтом маршала Ерёменко, «огромнейшую работу проделали инженерные войска. Они неутомимо трудились, наводя под ураганным огнем переправы, приспособлявая всевозможные здания к обороне, устраивая заграждения и препятствия разного рода, сооружая ложные позиции» [7, с. 273].

Выполнению одной из инженерных задач посвящена у Некрасова «Чертова семерка» – так писатель назвал главы, которые «запоздали» к первой публикации повести «В окопах Сталинграда» и впервые были напечатаны в начале 1970-х гг. Здесь речь идет о трагической случайности: на помощь нашей пехоте, в лютые

холода сражающейся на Мамаевом кургане за водонапорные баки (это «ключ к городу» [16, с. 363]), спешат шесть танков, с трудом переправленных через Волгу именно под «ураганным огнем противника» (А.И. Ерёменко), «шесть танков – все, что есть сейчас на этом берегу» [Там же, с. 364]. Вот тут и приходит на помощь опыт севастопольских инженеров периода Крымской войны: «Подкопаться!» [Там же, с. 370]. Совсем не случайно здесь звучит: «Совсем как в Севастополе. Заложим толу килограмм сто – и как ахнем!» [Там же, с. 372]. Так когда-то «ахнули», выиграв у неприятелей подземно-минную войну, герои обороны Севастополя: поздней осенью 1856-го «саперы и выделенные им в помощь пехотинцы пробрили в скале ров... 22 колодца, вывели из них 22 галереи, длиной до 30 метров, навстречу неприятелю, заложили 12 пудов пороха», мощный взрыв прогремел 22 января, в результате чего «все последующие семь месяцев... враг не смог приблизиться под землей к 4-му бастиону» [15, с. 75].

В условиях обороны Сталинграда особенно важны были ободряющие уроки Крымской войны: после многомесячных сражений за осажденный Севастополь вынужденно оставив южную сторону города, русские вскоре выиграли «все сражения с турками, дошли до Карса и заставили эту ключевую крепость капитулировать, открывая себе дорогу на Боспор» [12]. Сталинград тоже стал поворотным этапом на пути нашей Родины к Берлину. В повести «В окопах Сталинграда» Некрасов творчески ассимилирует опыт «Севастопольских рассказов» двадцатисемилетнего подпоручика Толстого, сумевшего

показать не только «внешнюю», но и «внутреннюю» сторону войны. Речь идет о «диалектике души», высвечивающей в персонажах рассказов (как позднее в героях повести «В окопах Сталинграда») рождение «чувства, редко проявляющегося, стыдливого в русском, но лежащего в глубине души каждого, – любовь к родине» [24, с. 19].

Преодолевая страх, ранения, гибель товарищей, «севастопольцы» были убеждены «в невозможности... не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа» [Там же, с. 19], – отмечал Лев Толстой в «Севастополе в декабре месяце». Ветеран Великой Отечественной войны, русский философ, мыслитель и писатель Александр Зиновьев, «третьей волной» русской

эмиграции на долгие годы отдаленный от Родины, без всякого «подыгрывания» государственной системе советского образца утверждал: «Уверенность нашего народа в том, что Сталинград не сдадим, была настолько сильной, что она стала одним из важнейших – если не важнейшим фактором его обороны» [11]. Это подтверждает и В.П. Некрасов, один из персонажей повести которого «В окопах Сталинграда» говорит от имени всего воюющего народа: «Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют» [16, с. 123]. В дни Сталинградской битвы, как доказывает в своей повести писатель, нашей армии помогли «так воевать» и побеждать героико-патриотические традиции многовековой русской культуры.

Библиографический список

1. Аннинский Л. Плеск знамен // Родина. 1995. № 3–4. С. 167–168.
2. Аргасцева С.А. Сталинградский дневник подполковника Лермонтова // «Люблю Отчизну я...»: Материалы Десятых Лермонтовских чтений. 10–11 октября 2010 г. Ярославль, 2011. С. 35–37.
3. Быков М. Дубина и пушки // Литературная газета. 2012. 29 февраля – 6 марта.
4. Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи. Рязань, 2013.
5. Гуткина И.Г. Вспоминая Е.В. Тарле... // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000187/st058.shtml/> (дата обращения: 12.11.2019).
6. Долматовский Е. Международный вагон // Новый мир. 1986. № 5. С. 6–30.
7. Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961.
8. Жихов А. Лермонтовский ангел продолжает свой полет // Белгородская правда. 2015. 6 октября.
9. Жуков Георгий Константинович. Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1612 (дата обращения: 12.11.2019).
10. Замостьянов А. Русским знакома к славе дорога! // Литературная газета. 2012. 20 февраля – 6 марта.
11. Зиновьев А. Война будничная // Литературная газета. 2005. 6–12 мая.
12. Казарин В. «Россия сосредоточивается!» // Литературная газета. 2006. 6–12 сентября.
13. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1969.
14. Лиханов А. Солдат незримого полка // Литературная газета. 2014. 22–28 октября.
15. Ляшук П. «Обер-крот». Штабс-капитан Мельников – подземный страж 4-го бастиона // Родина. 1995. № 3–4. С. 74–75.
16. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. СПб.; М., 2018.

17. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. Л., 1991.
18. Некрасов В.П. Трагедия моего поколения. «В окопах Сталинграда»: до и после // Литературная газета, 19 сентября 1990 г.
19. Некрасов В.П. Фронтовые письма // Огонек. 1989. № 8. С. 18–19.
20. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1975.
21. Рокоссовский Константин Константинович. Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=357 (дата обращения: 12.11.2019).
22. Семанов С. Экзамен по практической истории // Родина. 1995. № 3–4. С. 149–152.
23. Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000.
24. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. М., 2002.
25. Трубецкой Е.Н. Смысл войны // Литературная газета. 2014. 3–9 сентября.
26. Турков А. «И это все в меня запало...». Заметки о военной литературе // Литературная газета. 1995. 9 мая.
27. Шишов А.В. 100 великих казаков. М., 2007.

References

1. Anninsky L. Splash of flags. *Rodina*. 1995. No. 3–4. Pp. 167–168. (In Russ.)
2. Argasceva S.A. Stalingrad diary of Lieutenant Colonel Lermontov. «Lublu Otchiznu ya...»: *Materialy Desyatyh Lermontovskih chteniy. 10–11 oktyabrya 2010*. Yaroslavl, 2011. Pp. 35–37. (In Russ.)
3. Bykov M. Cudgel and cannons. *Literaturnaja gazeta*. 2012. 29 February – 6 March. (In Russ.)
4. Gerasimova I.F. Hudozestvennophilosophskoje osmyslenije Pervoj mirovoj vojny vrussskoj poeziji 1914–1918 gg. v istoriko-kulturnom kontexte epohi [Artistic and philosophical comprehension of the First World War in Russian poetry of 1914–1918 years in the historical and cultural context of the era]. Ryazan, 2013. (In Russ.)
5. Gutkina I.G. Remembering E.V. Tarle... *Iz literaturnogo nasledija akademika E.V. Tarle*. Moscow, 1981. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000187/st058.shtml/> (In Russ.)
6. Dolmatovskij E. International wagon. *Nonyj mir*. 1986. No. 5. Pp. 6–30. (In Russ.)
7. Eremenko A.I. Stalingrad. Zapiski komandujushego frontom [Stalingrad. Notes of the front's commander]. Moscow, 1961. (In Russ.)
8. Zhihov A. Lermontov's angel continues its flight. *Belgorodskaja pravda*. 2015. 6 Oktober.
9. Zhukov Georgy Konstantinovich. Heroes of the nation. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1612 (In Russ.)
10. Zamostjanov A. Russians knows the road to glory! *Literaturnaja gazeta*. 2012. 20 February – 6 March. (In Russ.)
11. Zinovjev A. Everyday war. *Literaturnaja gazeta*. 2005. 6–12 May. (In Russ.)
12. Kazarin V. “Russia is focusing!”. *Literaturnaja gazeta*. 2006. 6 September. (In Russ.)
13. Lermontov M. Sobranije sochinenij: V 4 t. [Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow, 1969. (In Russ.)
14. Lihanov A. Invisible regiment's soldier. *Literaturnaja gazeta*. 2014. 22–28 Oktober. (In Russ.)
15. Ljashuk P. «Ober-krot». Shtabs-kapitan Melnikov – podzemnyj strazh 4-ogo bastiona [“Ober-krot”. Staff captain Melnikov – underground guard of the 4th bastion]. *Rodina*. 1995. No. 3–4. Pp. 74–75. (In Russ.)
16. Nekrasov V.P. V okopah Stalingrada [In the trenches of Stalingrad]. St. Petersburg, 2018. (In Russ.)
17. Nekrasov V.P. V okopah Stalingrada [In the trenches of Stalingrad]. Leningrad, 1991. (In Russ.)
18. Nekrasov V.P. The tragedy of my generation. “In the trenches of Stalingrad”: before and after. *Literaturnaja gazeta*. 1990. 19 September. (In Russ.)
19. Nekrasov V.P. Front-line letters. *Ogonjok*. 1989. No. 8. Pp. 18–19. (In Russ.)
20. Pushkin A.S. Sobranije sochinenij: V 10 t. [Works in 10 vols]. Vol. 4. Moscow, 1975. (In Russ.)

21. Rokossovsky Konstantin Konstantinovich. Heroes of the nation. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1612 (In Russ.)
22. Semanov S. Practical history exam. *Rodina*. 1995. No. 3–4. Pp. 149–152. (In Russ.)
23. Sirotkin V.G. Napoleon i Rossija [Napoleon and Russia]. Moscow, 2000. (In Russ.)
24. Tolstoj L.N. Sevastopolskije rasskazy [Sevastopol Sketches]. Moscow, 2002. (In Russ.)
25. Trubeckoj E.N. The meaning of war. *Literaturnaja gazeta*. 2014. 3–9 September.
26. Turkov A. “And it all sunk into me...”. Notes on military literature. *Literaturnaja gazeta*. 1995. 9 May. (In Russ.)
27. Shishov A.V. 100 velikih kazakov [100 great cossacks]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.03.2020, принята к публикации 30.04.2020
The article was received on 10.03.2020, accepted for publication 30.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Перевалова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук; профессор кафедры литературы и методики ее преподавания филологического факультета, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Svetlana V. Perevalova – ScD in Philology (Literature); Professor at the Department of Literature and Methods of Teaching it, Faculty of Philology, Volgogradskiy State Social-pedagogical University

E-mail: cavaler@yandex.ru